

ИСТОРИЯ ЭТНОГРАФИИ

Н. Е. Кабанов, В. К. Арсеньев. *Путешественник и натуралист*. Изд. Московского об-ва испытателей природы, М., 1947, 94.

Эта книга — первая серьезная работа о замечательном путешественнике-ученом — Владимире Клавдиевиче Арсеньеве. Рассчитанная на широкий круг читателей, книга написана живо и интересно. Автор — участник последних экспедиций В. К. Арсеньева. Кроме своих личных наблюдений, автор использовал литературный материал, а также рассказы и воспоминания других лиц, соприкасавшихся с Арсеньевым. Книга состоит из четырех глав, в которых освещены все стороны деятельности этого замечательного исследователя Приморья. «Арсеньев, — пишет автор, — собрал и обработал исключительно ценные материалы по физической географии и топографии, по этнографии малых народностей края, археологии и истории края, по охотоведению, а также по морским животным, по использованию и освоению растительных ресурсов, по ботанической географии и, наконец, по общеэкономическим вопросам и проблемам освоения и заселения, перспективам дальнейшего развития края и его отдельных районов». Таков широкий диапазон научно-исследовательской деятельности Арсеньева. К этому следует добавить еще одну важную сторону его деятельности, которой автор тоже касается, — это был вдохновенный писатель-художник. Арсеньев-писатель познакомил миллионы читателей с чудесным и простым человеком, своим смелым и преданным другом, старым гольдом Дурсу Узала.

Первая глава книги Н. Е. Кабанова посвящена биографическим сведениям об Арсеньеве. Автор впервые собрал большой материал, который показывает, как формировалась эта замечательная личность, как молодой Арсеньев упорно шел к намеченной в жизни цели и как он вдохновенно затем трудился над изучением далекого края, который на всю жизнь полюбил. Вторая глава посвящена обзору экспедиций и экскурсий Арсеньева, начиная с первых экскурсий 1900 г. и кончая последней тысячекилометровой экспедицией 1927 г. Автор дает здесь маршруты следования и основные цели каждой из них, а также состав их участников. Наибольший интерес представляет третья глава: «Вклад В. К. Арсеньева в науку и литературу». Она разбита на несколько частей, в каждой из которых разбираются заслуги Арсеньева перед различными разделами науки. Первый раздел посвящен крупным заслугам Арсеньева в области краеведения (первое описание горных частей Сихоте-Алиня, прибрежной полосы Японского моря и Татарского пролива, широкие метеорологические наблюдения). Второй раздел содержит описание топографических работ Арсеньева. Наконец, в следующем, самом интересном для нас разделе, посвященном этнографии, автор отмечает, что Арсеньев с самого начала своей деятельности четко отделил пришлых и чуждых краю людей от его аборигенов: китайцев, корейцев, японцев, хищнически эксплуатировавших богатства тайги, от орочей, удэгейцев, нанайцев и других его коренных обитателей. Китайцам Арсеньев посвящает специальную работу — «Китайцы в Уссурийском крае», где подробно описал их быт и деятельность. Арсеньев утверждал, что в прошлом Уссурийский край принадлежал разобщенным, лишенным государственной власти маньчжурским племенам, а вовсе не Китаю, как это пытались доказать многие исследователи. Подробно изучались Арсеньевым быт и нравы аборигенов Приморского края — орочей, удэгейцев, гольдов, нанайцев, тазов и др. Как отмечает автор, Арсеньевым были «запечатлены факты, едва ли возможные наблюдению в настоящее время: находка корня жень-шеня, ритуал моления перед ним, методы и приемы выкопки и хранения этого корня, выслеживание дикого пятнистого оленя, срезка, варка и применение пантов для лечения, выслеживание повелителя тайги — уссурийского тигра, промысел на соболя, скрытое разведение в тайге опийного мака, устройство опиекурилен, холодный и жестокий китайский суд над провинившимся, наказание виновных, закапывание живыми в землю, азартные игры и многое другое». Арсеньев записал много преданий, легенд, сказок и песен орочей и удэгейцев. В той же главе охарактеризован вклад знаменитого исследователя в археологию, историю, охотоведение Уссурийского края, его экономику и народное хозяйство, в изучение флоры и фауны этого района. Последний раздел третьей главы посвящен литературно-художественным произведениям Арсеньева. Автор приводит высокую оценку Горьким известной книги Арсеньева «В джунглях Уссурийского края» (изд. 1925 г.), в которой Арсеньев объединил и художественно переработал две свои более ранние книги: «По Уссурийскому краю» (1921) и «Дурсу Узала» (1923). Автор пишет: «Арсеньев силой своего писательского таланта показал образ таежного следопыта и на примере Дурсу Узала раскрыл психику, быт и обычаи аборигенов Приморского края». Мало того, Арсеньев заставил читателей всей душой, как и он сам, полюбить этого простодушного и мудрого, любящего и отважного человека. Своими художественными описаниями Арсеньев прививает читателю уважение и симпатию к малым, отсталым народностям вообще, интерес к их быту и нравам. В этом немалая заслуга Арсеньева перед советской этнографической наукой. Последняя глава рецензируемой книги посвящается оценке деятельности Арсеньева его современниками. Здесь приводятся мнения советских и иностранных писателей и ученых: Горького, Пришвина, академика Комарова, Ф. Нан-

сена и др., приводятся и посвященные Арсеньеву стихи советских поэтов. Книгу включает аннотированный список всех работ Арсеньева и список литературы о нем. Надо отметить интересный подбор редких фотографий В. К. Арсеньева.

Следует приветствовать выход в свет этой интересной и полезной книги о замечательном русском путешественнике, ученом и писателе, человеке большого сердца и смелых замыслов.

А. Адамов

Е. М. Залкинд, М. Н. Хангалов, Улан-Удэ, 1945, 62.

Бурято-монгольский народ выдвинул в прошлом ряд ученых и культурных деятелей. Одна из самых ярких фигур среди них — Матвей Николаевич Хангалов (1858—1918), этнограф, собиратель фольклора и педагог. В лице М. Н. Хангалова бурято-монгольский народ имел не только крупного научного работника, но и общественного деятеля, прошедшего всю свою жизнь в родной, народной, бурятской среде и неутомимо борovéhoся как со взяточниками и самодурами из царской администрации, так и с тайшами, нойонами и богатыями бурятских улусов, последовательно отстаивавшего интересы бурятских крестьянских масс. Значение деятельности Хангалова как этнографа и собирателя фольклора трудно переоценить. Надо заметить, что напечатаны далеко не все его труды. Рукописное наследство Хангалова составляет, указывает Е. М. Залкинд, — «десятики тетрадей с записями о шаманстве, целые томы фольклора — эпических произведений, сказок, легенд и т. п., этнографические описания, ... сводки архивных документов, сочинения о далеком прошлом бурят, о системе судопроизводства, положении женщин и т. д. Все это пока поконится в архивных научных учреждениях». М. Н. Хангалов по своему образованию (он окончил в 1876 г. Иркутскую учительскую семинарию) не был специально подготовлен к той деятельности этнографа и фольклориста, которой он отдавал все свое свободное от педагогической и общественной работы время. Но путем самообразования и благодаря научному содружеству с Н. Н. Агапитовым, Д. А. Клеменцом и Г. Н. Потаниным кругозор и эрудиция Хангалова расширились, и он стал исследователем, стоящим на уровне современной ему науки. Научная общественность, даже в условиях царской России, высоко оценила труды Хангалова и в 1888 г. он был избран действительным членом Русского географического общества. За содействие, оказанное французскому этнографу — академику Полю Лаббе во время его поездки в 1903 г. для изучения шаманства бурят, Хангалову было присвоено звание лауреата Французской академии.

Е. М. Залкинд в рецензируемой брошюре последовательно излагает жизненный путь и научную и общественную деятельность М. Н. Хангалова. Брошюра состоит из предисловия и шести глав. В первых двух описываются школьные годы и педагогическая деятельность Хангалова, его попытки реформировать начальное образование в школах для бурятских детей, опыт составления бурятского букваря и методы его педагогической работы. Следующие две главы посвящены научной работе Хангалова и в особой главе описывается его общественная деятельность. В заключение Е. М. Залкинд дает общую оценку деятельности М. Н. Хангалова, отмечая в частности, что этот неутомимый исследователь и просветитель своего народа был в то же время горячим сторонником приобщения бурято-монголов к великой русской культуре.

Давая общую высокую оценку трудам М. Н. Хангалова, автор рецензируемой брошюры останавливается особо на вопросе об «Зэгэтэ-аба». Дело в том, что Хангалов и Клеменц выделяли в истории бурятского народа целую эпоху — «Зэгэтэ-аба». При этом эпохе «Зэгэтэ-аба» приписывалось довольно резкое классовое расслоение. Но затем общество «Зэгэтэ-аба», по Хангалову и Клеменцу, сменяется обществом, в котором господствует родовой строй. Е. М. Залкинд отмечает, в согласии с критическими замечаниями Н. А. Виташевского, опубликованными еще в 1916 г. («Живая старина», XXV), что в той форме, в которой Хангалов совместно с Клеменцом реконструировали эпоху «Зэгэтэ-аба», без ссылки на источники, без указания на характер и без разъяснения того, что в данной реконструкции вытекает из фактического материала и что является результатом обобщений самих авторов, — в этой форме их материал теряет значительную долю своей научной достоверности. Как устанавливает Е. М. Залкинд по рукописям самого Хангалова, одним из источников для реконструкции «Зэгэтэ-аба» был национальный бурятский танец «Хатарха», этапы которого, по мнению Хангалова, отражали ход охоты «Зэгэтэ-аба». Надо сказать, что сам Хангалов в рукописи о «Зэгэтэ-аба», которую он подготовил к печати, указывал на этот источник, по которому он реконструировал «Зэгэтэ-аба», но эта оговорка была вычеркнута Клеменцем. Что облавные охоты имели широкое распространение среди бурят и даже монголов, нет никаких сомнений. Об этом, как указывает Е. М. Залкинд, сообщают и Исбранд Идес и Паллас, и предание бурят, опубликованное Позднеевым, и хроники селенгинских и хоринских бурято-монголов. Облавная охота у коринских бурят описана также Ванбоцыреновым под названием «Аба-Хайдак». К этому можно добавить, что у тунгусов в некоторых очень популярных и наиболее архаичных преданиях тоже фигурирует в качестве основного фона, на котором раз-